

ВОДЯСОВА Л. П., АНТОНОВА О. Н.

**КАТЕГОРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ И ЕЕ ТИПЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЭРЗЯНСКОГО ЯЗЫКА)**

Аннотация. В статье рассматривается категория противоположности. Отмечается, что в языке средством ее реализации выступает антонимия. Авторы выделяют типы противоположностей и описывают их специфику на материале эрзянского языка.

Ключевые слова: противоположность, антонимия, тип противоположности, контекст.

VODYASOVA L. P., ANTONOVA O. N.

**THE CATEGORY OF LINGUISTIC OPPOSITION AND ITS TYPES:
AN ERZYA LANGUAGE-BASED STUDY**

Abstract. The article considers the category of opposition. It has been noted that antonyms are used to implement this category in a language. The authors distinguish between certain types of opposites and describe their peculiarities based on the Erzya language.

Keywords: opposition, antonymy, type of opposites, context.

В современной науке термин «противоположность» используется широко. В философии это один из видов отношений, устанавливаемых в результате сравнения двух предметов по выбранному (или заданному) основанию сравнения (признаку) [11, с. 182]. С точки зрения логики, противоположность – категория, выражающая одну из сторон диалектического противоречия, которое включает в себя взаимодействие между взаимоисключающими, но при этом взаимообуславливающими и взаимопроникающими друг в друга противоположностями внутри единого объекта [7, с. 486].

В лингвистике, как известно, понятие противоположности лежит в основе такой семантической категории, как антонимия. Однако среди ученых-лингвистов до настоящего времени нет единства в его трактовке. В ряде работ прежде всего не различают понятия противоположности и противопоставленности. Это приводит к расширенной характеристике антонимии, которая, например, О. С. Ахмановой определяется как семантическая противопоставленность, противоположность, а сами антонимы квалифицируются или как слова, имеющие в своем значении качественный признак и потому способные противопоставляться друг другу как противоположные по значению, или как слова, противопоставленные друг другу как коррелятивные, обозначающие противоположно направленное действие [2, с. 50]. Л. А. Введенская отвергает такое расширенное понимание антонимии. Она утверждает, что противопоставляться могут практически любые

лексические единицы, даже синонимы, однако это не делает их антонимами даже в условиях контекста [3, с. 14–15]. Согласно А. А. Уфимцевой, значения слов-антонимов имеют относительный характер, формируемый не столько на отражении абсолютных (объективных) свойств, признаков и их отношений в реальной действительности, сколько на их оценке в сравнении относительно других, стоящих на противоположной шкале отсчета качеств и свойств предметов [14, с. 192]. Ряд авторов утверждает, что антонимы – это слова, имеющие прямо противоположное значение [13, с. 128]. В мордовском языкознании также превалирует эта точка зрения. Исходя из этого, антонимы квалифицируются как противоположные по значению слова. Это толкование закреплено в «Лексикологии современных мордовских языков» [9] и ряде других работ, в которых рассматриваются антонимические отношения различных языковых единиц [5; 8; 16; 17 и др.]. С нашей точки зрения, антонимия должна быть определена как смысловая противоположность, закрепленная в нормах словоупотребления. Сами по себе предметы, их признаки, свойства не противоположны, отношения противоположности между ними устанавливаются в нашем сознании и отражаются в семантике слов как результат мыслительной операции обобщения. В зависимости от лингвистических (характер контекста, смысловые акценты, средства выражения и др.) и экстралингвистических (возраст, профессия людей, их жизненный опыт и др.) условий противоположными могут оказаться различные предметы, явления и соответствующие им слова.

Антонимы, как известно, составляют в языке парную корреляцию. В эрзянском языке в силу общности значений они могут встречаться в одном и том же контексте, иными словами, сочетаться с одними и теми же словами (*теемс вадря / берянь кудо* «построить хороший / плохой дом», *каземс ашо / раужо паця* «подарить белый / черный платок», *тердемс / панемс ялганть* «позвать / прогнать друга», *туемс позда / рана* «уйти поздно / рано», *ушодомс / прядомс тевенть* «начать / закончить дело», *мольсь сэрей / алкине ломань* «шел высокий / низкий человек»; *ваномс икелев / удалов* «смотреть вперед / назад» и т. д.). Антонимы есть не у всех слов. Не имеют антонимов имена существительные с конкретным значением (*ломань* «человек», *тейтерь* «девушка», *эйкакш* «ребенок» и др. – одушевленные существительные, *вальма* «окно», *веле* «село», *кудо* «дом», *пенч* «ложка», *чаки* «чашка» и др. – неодушевленные существительные), имена числительные, большинство местоимений, а также имена собственные (*Лиаяна, Москов, Инерка* и др.). Наиболее распространены антонимические отношения среди качественных имен прилагательных и качественных наречий, немного меньше их среди глаголов и еще меньше среди имен существительных. В эрзянском языке антонимия развита и среди служебных частей речи – послелогов: *аштемс кудонть икеле / удало* «стоять впереди / позади дома»,

ёртомс столенть лангс / алов «бросить на / под стол», *ливтямс пельтнень алга / верьга* «лететь под / над облаками» и т. д. Обычно антонимы есть у слов с качественной, количественной, пространственной, временной семантикой: *паро – берянь* «хороший – плохой», *од – сыре* «молодой – старый», *покиш – вишкине* «большой – маленький» (качество), *ушодкс – пе* «начало – конец», *видечи – манчема* «истина – ложь», *одкчи – сыречи* «молодость – старость», *само – туема* «приход – уход» (предметность), *панемс – тердемс* «прогнать – позвать», *ушодомс – прядомс* «начать – закончить», *озамс – стямс* «сесть – встать», *шнамс – сялдомс* «хвалить – охаять» (действие), *тей – тов* «сюда – туда», *икеле – удало* «впереди – сзади» (пространство), *позда – рана* «поздно – рано», *исяк – течи* «вчера – сегодня», *течи – ванды* «сегодня – завтра» (время), *човинестэ – эчкестэ* «толсто – тонко», *эрязасто – састо* «быстро – медленно», *нурькасто – кувакасто* «коротко – длинно» (признак действия) и т. д.

Явление антонимии тесно связано с явлением полисемантичности, причем у полисемантичных слов обычно по несколько антонимов: *лембе вал* «теплое слово» – *казямо вал* «жесткое слово», *лембе варма* «теплый ветер» – *якшамо варма* «холодный ветер», *лембе ойме* «добрая (букв.: теплая) душа» – *кельме ойме* «холодная душа», *лембе вановт* «теплый взгляд» – *кежей вановт* «злой взгляд».

Слова в антонимических парах вступают между собой в более сложные отношения, образуя своего рода антонимические парадигмы («антонимические блоки», по терминологии Л. А. Новикова [12, с. 82]). Основанием для этого служат родственные словообразовательные связи. Так, в эрзянском языке лексема *ашо* «белый» имеет противоположное значение к чему-либо темному, именуемому лексемой *раужо* «черный». Из этой антонимической пары образуются родственные слова, которые приобретают другой оттенок значения: *ашназа – раужаза* «беловатый – черноватый», *ашолдомс – раужкадомс* «белеть – чернеть», *ашолдома – рауждома* «белизна – чернота», *ашолгадомс – раужкадомс* «побелеть – почернеть», *ашолемс – раужкалемс* «белеть – чернеть». Кроме того, антонимы могут совмещаться. В этом случае противоположные признаки приписываются одному явлению, предмету или лицу. Это явление обычно встречается в различных речевых ситуациях. У говорящего или пишущего появляется возможность предельно кратко и выразительной передачи противоположных чувств, обуревающих человека в один и тот же момент, или противоположных признаков, которые в какое-то время существуют у одного явления, или явлений, которые могут быть оценены различно, в зависимости от того, с какой точки зрения на них взглянуть: *Монь лангс прась стака канст, но те стака канстось марявсь шождынекс* «На меня легла тяжелая ноша, но эта тяжелая ноша казалась легкой»; *Шкась буто кавонзась: марявсь, моли то пек састо, то эрязасто* «Время будто раздвоилось:

казалось, идет то очень медленно, то быстро»; *Кудонть икелеяк, удалояк кассть ламо килейть* 'И спереди, и сзади дома росло много берез' и т. д.

В силу своей выразительности антонимы часто используются в художественных текстах. В канву произведения писатели вводят их для создания яркого художественного образа, эмоционального описания событий, фактов и т. д.: *Вурь удалов чизэ прась. / Тарказонзо зоря стясь* (Я. Григошин) 'За лес солнце упало. / Вместо него заря поднялась'; *Пильгетне эзьт кунсоло, аволь икелев, удалов эскельдясть сынь* (Ф. Чесноков) 'Ноги не слушались, не вперед, назад шагали они'; *Ашо паля оршась модась, / Менелесь – чама чопода* («Сятко») 'Белое платье надела земля, / Небо – лицо темное'. Очень любит использовать антонимы в своих произведениях известный мордовский писатель Числав Журавлев. На антитезных противопоставлениях он создал множество сентенций-афоризмов, в которых представлен жизненный опыт писателя, его наблюдения над людьми: *Превеесь весень ендо тонавтни, чаволась весень тонавты* 'Умный ото всех учится, глупый всех учит'; *А однэнь, а сыренень ськамочись – аволь оймсема* 'Ни молодым, ни старым одиночество – не отдых'; *Шнамось ды сялдомась – селмот: васенцесь кепеди верев, омбоцесь – валгсты алов* 'Похвала и ругань – крылья: первая поднимает вверх, вторая – опускает вниз'; *Эрямосонть весе инжеть: однэнь вастыть сыретне, сыретнень ильтить однэ* 'В жизни все гости: молодых встречают старые, старых провожают молодые' и др. В основе большинства пословиц и поговорок также лежит явление антонимии: *Берянь теят – паро а неят* 'Плохое сделаешь – хорошее не увидишь' [11, с. 132]; *Од пингесь юты ливтязь, сыре пингесь – састо молезь* 'Молодость проходит мимолетно, старость – тихим шагом' [11, с. 28]; *Смелэнтъ лангс кискась ансяк онги, пелицянтъ – суски* 'На смелого собака только лает, трусливого кусает' [11, с. 145].

Говоря о противоположности, ученые выделяют и ее типы.

Наиболее развернутая концепция типов лингвистической противоположности впервые была предложена Л. А. Новиковым. Он выделил четыре типа – контрарную, векторную, комплементарную и конверсивную [12, с. 79–87]. Далее теорию о типах противоположности развивает М. Р. Львов [10]. За основу он берет методику Л. А. Новикова, но отмечает, что логическая модель противоположности является недостаточным условием. По его мнению, в языке она становится моделью антонимии только у лексем, которые обозначают качество, выражают противонаправленность действия, состояния, свойств, признаков, а также у некоторых других лексических единиц. М. Р. Львов совершенно уверен, что антонимичность не вызывает сомнений лишь в том случае, если антонимические пары содержатся в одном предложении или в одном небольшом отрывке текста. С его точки зрения, только учет природы и особенностей семантики языковых единиц позволяет

ограничивать антонимы от других противопоставленных слов, не являющихся ими [10, с. 10]. В своей работе исследователь выделяет контрарную, контрадикторную и векторную типы противоположности. Т. И. Янгайкина, апробировав точку зрения М. Р. Львова на материале одного из мордовских языков – мокшанского – доказывает, что эти типы противоположности имеют место и здесь [18]. И это объяснимо, так как антонимия – одно из универсальных лингвистических явлений, и многие его признаки одинаковы для всех языков. Проанализировав материал эрзянского языка, мы также пришли к выводу о функционировании здесь этих же типов противоположности [4; 5; 6].

Кратко охарактеризуем типы антонимии на материале эрзянского языка.

Контрарную (от лат. *contrarius*) противоположность выражают антонимы, отвечающие логическому критерию, иными словами, имеющие средний член. В эрзянском языке это достаточно распространенный тип. Он лежит в основе антонимических отношений лексем, содержащих указание на качество: **ашо – раужо** «белый – черный» (средний член: **серой** «серый»), **коське – начко** «сухой – мокрый» (средний член: **летьке** «влажный») или обозначающих пространственные координаты: **исяк** «вчера» – **течи** «сегодня» – **ванды** «завтра», **валске – чи – чокшне – ве** «утро – день – вечер – ночь», **ушодкс – куншка – пе** «начало – середина – конец». В речи такое противопоставление предполагает возможную степень усиления признака, качества, действия или градацию. Средний член в ряде градуальных противопоставлений обычно не имеет специального выражения, но всегда подразумевается как своеобразная точка отсчета. Так, например, в антонимической паре **ашо – раужо** «белый – черный» наблюдаем признак градуальности. Градуальный ряд между крайними **ашо** «белый» и **раужо** «черный» включает еще три лексемы: **ашо – ловтаня – серой – чопода – раужо** «белый – бледный – серый – темный – черный». Все они выражают понятия цвета и чаще всего сочетаются со словами **сельме(ть)** «глаз(а)», **чер(т)ь** «волос(ы)», **чама** «лицо». В речи антонимы могут взаимозамещаться для придания высказыванию более вежливой формы. Как известно, слова, которые используются с целью устранить резкость или грубость фразы, называются эвфемизмами. На этом основании иногда говорят об антонимах-эвфемизмах, которые выражают значение противоположности в смягченной форме. С точки зрения этики, лучше, например, сказать **човинька тейтерь** «худенькая девушка», чем **коськана** «тощая, костлявая» и т. д. Так, например, обстоит дело и в следующем примере: *Сценанть лангс капшаазь, вишка эскельксэ лиссь аволь пек сэрей, но аволь алкинеяк цера* «На сцену торопливо, небольшими шажками вышел не очень высокий, но и не очень низенький мужчина». Антонимы **аволь пек сэрей – аволь пек алкине** «не очень высокий – не очень маленький» обладают признаком градуальности, между ними подразумевается третий член «средний» (в речи имеется в виду, что на сцену вышел

мужчина среднего роста).

Контрадикторная (или по терминологии Л. А. Новикова, комплементарная [12]) противоположность характеризуется тем, что между противопоставляемыми членами (видовыми понятиями), дополняющими друг друга до единого целого (родового понятия) и являющимися по своей природе предельными, нет никакого среднего члена. Противоположные видовые понятия определяют предел проявления качества, свойства или действия, определяемых тем или иным родовым понятием, тем самым образуя логическую модель. В эрзянском языке это один из наименее встречаемых типов антонимии. В качестве примера можно привести лишь следующие: **эрикс – кулозь** «живой – мертвый», **чачомс – куломс** «родиться – умереть», **сёвномс – мирямс** «ругаться – мириться» и др. Последняя пара фигурирует в пословичном высказывании: *Мирдть-нить севнить-тюрить – часонь ютазь мекев мирить* 'Муж с женой поссорятся – через час помирятся' [11, с. 36]. Отметим, что контрадикторную противоположность следует отличать от простой контрадикторности, которую создают противоречащие понятия типа **од** «молодой» – **аволь од** «не молодой» (иными словами, или средних лет, или пожилой, или старый). Они представляют собой ослабленную противоположность в силу неопределенности второго члена оппозиции, не выражающей настоящей антонимии. Для того чтобы выразить истинную противоположность, второй член должен быть выражен более определенно (**аволь од = сыре** «не молодой = старый»). Таким образом, образуется антонимическая пара: **од** «молодой» – **сыре** «старый».

Векторная (от латинского *vector*) противоположность представляет собой противоположность разнонаправленных признаков. В эрзянском языке, пожалуй, это самый распространенный тип. Его создают прежде всего глаголы, которые обозначают противоположно направленные движения и действия: **ушодомс – прядомс** «начать – закончить», **куземс – валгомс** «подняться – спуститься», **муемс – ёмавтомс** «найти – потерять», **самс – туемс** «прийти – уйти», **совамс – лисемс** «входить – выходить», **панжомс – пекстамс** «открыть – закрыть», **саемс – максомс** «брать – отдавать» и др. Данные антонимические пары часто встречаются в пословицах и поговорках с целью создания контрастности: *Муить – каитмольть, емавтыть – иля пижне* 'Нашел – молчи, потерял – не кричи' [11, с. 221]; *Саят вить кеднесэ, максат – керш кедьсэ* 'Берешь правой ручкой, отдаешь – левой' [11, с. 91]. Кроме глаголов, векторная противоположность может быть представлена отглагольными именами существительными: **ушодома – прядома** «начало – конец», **чилисема – чивалгома** «восход – заход (солнца)», **ормалгадома – пичкамо** «заболевание – выздоровление», **совамо – лисема** «вход – выход», **панжома – пекстамо** «открытие – закрытие»; именами прилагательными: **шождыне – стака** «легкий –

тяжелый», **кувака** – **нурькине** «длинный – короткий», **чапамо** – **ламбамо** «кислый – сладкий», **чова** – **эчке** «тонкий – толстый», **чевте** – **калгодо** «мягкий – жесткий»; наречиями: **васоло** – **маласо** «далеко – близко», **тесэ** – **тосо** «здесь – там», **верев** – **алов** «вверх – вниз», **икеле** – **удало** «впереди – сзади» и др. Антонимические пары, создающие векторную противоположность, также часто встречаются в пословицах и поговорках для создания контрастности: *Паро тевень ушодомась, седе паро – прыдомась* ‘Хорошо начало дела, еще лучше его конец’ [11, с. 185]; *Валонь евтамось шождыне, тевень теемась стака* ‘Слова говорить легко, а дела делать тяжело’ [11, с. 66]; *Васолов путсак – маласто мусак* ‘Далеко положишь – близко найдешь’ [11, с. 150]; *Телентень анокстак кизна, кизэнтень – тельня* [8, с. 115] ‘К зиме готовься летом, к лету – зимой’; *Кизэсь важоди теленть лангс, телесь – кизэнтть лангс* [11, с. 136] ‘Лето работает на зиму, зима – на лето’ и т. д.

Таким образом, антонимия – это средство реализации категории противоположности в языке. В эрзянском языке она выступает в качестве знаков раздвоенного на противоположности единства, одновременно определяя предел проявления того или иного качества, свойства, действия, отношения и указывая на неразрывную связь противоположностей в каждом конкретном проявлении сущности. Антонимия – яркое изобразительное средство языка. В ткань текста она вводится обычно с целью создания контрастности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова О. Н. Эмотивная функция антонимов в произведениях Ф. М. Чеснокова // Евсевьевские чтения. Серия: Эмотивность художественного текста и способы ее репрезентации [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. с элементами научной школы для молодых ученых «51-е Евсевьевские чтения», 14–15 мая 2015 г. / редкол.: Л. П. Водясова (отв. ред.) [и др.] ; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2015. Рег. св-во обязательного федерального экземпляра электронного издания 42304. № госрегистрации 0321503668 (выдан 24 ноября 2015 г.).
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 607 с.
3. Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1971. – 166 с.
4. Водясова Л. П. Антонимическая лексика как средство реализации лексического способа связи в произведениях К. Г. Абрамова // Вестник Угроведения. – 2014. – № 3 (18). – С. 28–32.
5. Водясова Л. П., Антонова О. Н. Контексты с разнокорневыми антонимами в

- произведениях Ф. М. Чеснокова // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2015/04/10370>.
6. Водясова Л. П., Антонова О. Н. Эмоциональный характер антонимических контекстов в произведениях Ф. М. Чеснокова // Международный симпозиум «Финно-угорские языки народов России в условиях взаимодействия с языками разных систем», посвященный юбилеям финно-угроведов – Хейкки Паасонена (150 лет), Пауля Аристэ (110 лет) и Б. А. Серебренникова (100 лет), 21–22 мая 2015 г. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. – С. 76–84.
 7. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
 8. Кочеваткин А. М. Синонимические и антонимические отношения в соматической лексике диалектов эрзянского языка // Финно-угристика-5: межвуз. сб. науч. тр. / редкол.: М. В. Мосин (отв. ред.) и [др.]; МГУ имени Н. П. Огарева. – Саранск, 2003. – С. 118–123.
 9. Лексикология современных мордовских языков: учеб. пособие / под ред. Д. В. Цыганкина. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1983. – 189 с.
 10. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. – М.: Рус. яз., 1984. – 384 с.
 11. Мордовские пословицы, присловицы и поговорки / вступ. статья, запись, системная обраб. текстов и переводы их на рус. яз. К. Т. Самородова. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. – 280 с.
 12. Новиков Л. А. Логическая противоположность и лексическая антонимия // Русский язык в школе. – 1966. – № 4. – С. 79–87.
 13. Современный русский язык: учебник / С. М. Колесникова, Е. В. Алтабаева, Л. П. Водясова, Е. Н. Лисина, П. В. Каштанова, Е. Н. Морозова, И. Б. Грузнова; под ред. С. М. Колесниковой. – 2-е изд, испр. – М.: Флинта, 2016. – 559 с.
 14. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М.: Наука, 1986 – 239 с.
 15. Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 4. – М.: Сов. энцикл., 1967. – 592 с.
 16. Ширманкина Р. С. Фразеология мордовских языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тарту, 1970. – 21 с.
 17. Эрзянь-рузонь антонимень валкс = Эрзянско-русский словарь антонимов / сост. Р. Н. Бузакова, Е. Н. Лисина. – Саранск, 2008. – 135 с.
 18. Янгайкина Т. И. Системные семантические отношения в лексике мокшанского языка : дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2008. – 180 с.